

IRYDA GREK-PABISOWA, *Staroobrzędowcy. Szkice z historii, języka, obyczajów*. Wybór prac z okazji 45-lecia pracy naukowej. Instytut Sławistyki Polskiej Akademii Nauk. Sławistyczny Ośrodek Wydawniczy (SOW). Warszawa, 1999. 346 s. ISBN 83-86619-18-X.

Юбилейный сборник *Staroobrzędowcy. Очерки истории, языка, обычаев* состоит из 28 статей, ранее опубликованных проф. И. Грек-Пабисовой в различных изданиях с 1958 по 1997 гг.; собранные вместе, они дают общее представление о научном творчестве известной польской русистки и исследовательницы старообрядчества, а библиография работ, содержащаяся в этом издании (*Bibliografia polskich prac na temat staroobrzędowców*, 121 позиция, с. 325–331; *Bibliografia prac Irydy Grek-Pabisowej*, 118 позиций, с. 335–346), отражает историю становления “старовероведения” в Польше и достижения польских ученых в этой области.

Большинство статей сборника посвящено описанию особенностей говора и истории формирования русского старообрядческого населения Польши. Основные черты их культуры кратко охарактеризованы в обзорной статье *Zmiany w tradycyjnej kulturze i obyczajowości staroobrzędowców w Polsce* [с. 291–299] и перечислены в работе *Staroobrzędowcy-Rosjanie w kulturowym i językowym krajobrazie Polski* [с. 281–289]. В одной из статей рассматриваются характеристики говора старообрядцев, проживающих в Болгарии — *O tendencjach rozwoju gwary starowierców rosyjskich w Bułgarii* [с. 95–107]; в небольшой работе, написанной совместно с доц. Ц. Йотовым (Софийский университет), предпринята *Próba określenia wspólnych cech rozwoju gwar rosyjskich w otoczeniu obcojęzycznym* [с. 69–79]. Более общий характер носит обзорная статья *Światowe migracje staroobrzędowców od wieku XVII do czasów współczesnych* [с. 13–32], основанная на “нескольких публикациях по этому предмету, изданных в Польше” [с. 28].

И. Грек-Пабисова является пионером в изучении говоров русских старообрядцев в Польше, которое было начато ее работой *Niektóre wiadomości o starowiercach zamieszkałych na terenie Polski* [с. 35–51], опубликованной в 1958 г. Она же сама и обобщила достижения польских ученых в этой области: *Kierunki i stan badań nad staroobrzędowcami w Polsce* [с. 303–315]; *Staroobrzędowcy-Rosjanie w Polsce i ich gwara w opisie naukowym i perspektywy badawcze* [с. 317–321], отметив, что

• все дальнейшие (после 1958 г.) исследования были выполнены в Секторе (польск. *Pracowni*) русского языка Института славяноведения ПАН; основным их результатом было создание обширной базы данных, которая включает картотеку словоформ (≈ 30 000 форм с указанием их частотности); картотеку лексем (≈ 10 000 слов); картотеку предложений (≈ 3000 единиц); “кроме того, Институт располагает магнитофонными записями текстов, а также отдельными собраниями земледельческой и религиозной лексики” [с. 309];

• особое внимание уделялось изменениям, которые происходят в говоре под влиянием польского языка и новых внеязыковых причин [там же];

- удалось обследовать “все населенные пункты, в которых проживало более двух старообрядческих семей” [с. 310];
- только по проблемам языка старообрядцев за это время было опубликовано 6 монографий и почти 70 статей [с. 319].

Особый интерес в сборнике представляет статья *Kierunki i stan badań nad staroobrzędowcami w Polsce*, опубликованная в 1989 г., в которой систематизированы малоизвестные сведения о публикациях межвоенного времени, посвященных старообрядцам, проживавших на территории Польши и оккупированного ею Виленского края. Насколько нам сейчас известно, в межвоенной Литве, где старообрядчество как конфессиональное сообщество переживало своего рода возрождение, аналогичных научных публикаций не было.

Благодаря исследовательской работе и публикациям самой И. Грек-Пабисовой, ее коллеги И. Марыняковой, а также историка Е. Иванца, историка книги З. Ярошевич-Переславцев и диалектолога младшего поколения А. Зелиньской Польша в настоящее время является безусловно лидирующей страной по изучению старообрядчества в северной части центральной Европы. Нельзя не удивляться тому, что начало аналогичным исследованиям в Литве и Латвии было положено соответственно публикациями В.Н. Немченко и М.А. Новгородова в том же 1958 г., и с самого начала в них было вовлечено немало исследователей. В течение последующих пятнадцати лет диалектологи прибалтийских республик СССР опубликовали значительное количество работ, посвященных описанию всех уровней старообрядческих говоров Литвы, Латвии и Эстонии, однако после 1972 г. их активность практически прекращается. К счастью, этого не произошло в Польше, и И. Грек-Пабисова все последующие годы была основным *spiritus movens* исследовательской работы в данной области.

Количество старообрядцев, проживающих на территории современной Польши, в настоящее время невелико. По данным переписи населения 1994 г., “в Польше проживает 2576 приверженцев старой веры. Во второй половине XIX в. на территориях, где в настоящее время известны старообрядцы, проживало около 6500 человек (3829 в Августовской губернии, 2661 человек на Мазовше)” [с. 317–318]. С удовольствием привожу эти цифры, поскольку, несмотря на многолетнюю традицию исследований старообрядцев Литвы, Латвии и Эстонии, а также активную работу Интердисциплинарной группы в Литве, мы до сих пор не располагаем точными данными о количестве старообрядцев в этих балтийских странах, и до сих пор вынуждены оперировать приблизительными цифрами.

В сборнике опубликована также карта-схема ареалов расселения старообрядцев в Польше [с. 123], и даже схематическое расположение отдельных населенных пунктов, в которых они проживают (*Zróżnicowanie leksykalne gwary w trzech skipiskach Rosjan-staroobrzędowców w Polsce (pod wpływem czynników pozajęzykowych)* [с. 242], см. рис. 1 и 2 в данной рецензии). История формирования этих ареалов подробно рассматривается в статье *Zarys*

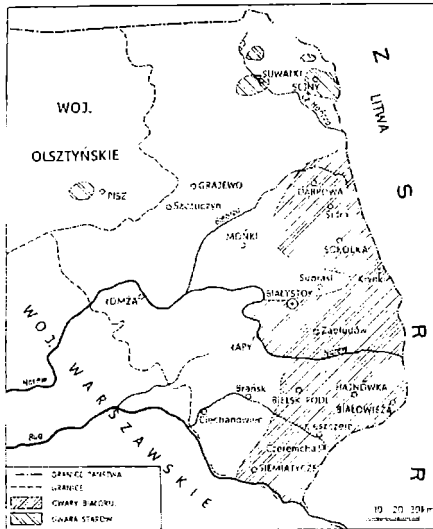

Рис. 1. Территория расселения старообрядцев Польши (в легенде к карте-схеме указаны границы государства; граница восводства; территория белорусских говоров, территория проживания старообрядцев [Grek-Pabisowa 1999, 123]).

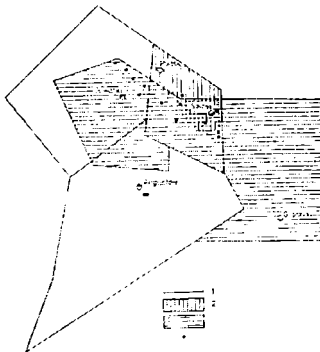

Рис. 1. Zasięg osadnictwa staroobrzędowców

dziejów staroobrzędowców w Polsce [с. 53–66], где приводятся также списки этих населенных пунктов [с. 62, 64–65]. Это очень интересные и необходимые сведения, но, к сожалению, по ним невозможно установить, где именно находится тот или иной пункт, см. рис. 2; желающих получить эту информацию отсылаю к монографии [Grek-Pabisowa 1968, 14, 17]. Кстати, из легенды к картам-схемам в последней работе узнаем, что полностью старообрядческими в Польше были *только три деревни*, в остальных же населенных пунктах старообрядцы проживают совместно с поляками; для понимания соци-

лингвистической ситуации в смешанных деревнях очень полезно было бы знать процентное соотношение старообрядцев и поляков, но в известных нам публикациях И. Грек-Пабисовой такой информации найти не удалось.

Рис. 2. Ареал расселения старообрядцев в Польше.

1. схематическая граница поватов по старому административному делению;
2. территория литовского говора;
3. территория, на которой в прошлом были селения старообрядцев;
4. селения старообрядцев в настоящее время [Grek-Pabisowa 1999, 242].

Отдавая должное энергии и целеустремленности заслуженной исследовательницы, 45-летию научной деятельности которой и посвящен данный сборник, я считаю все же необходимым критически подойти к целому ряду ее работ и отдельных положений, развиваемых в этих работах, поскольку в некоторых отношениях то, что в ее публикациях вызывает критику, является не менее поучительным, чем ее безусловные достижения.

Прежде всего, нельзя не обратить внимания на то, что после опубликования фундаментальной работы Е. Иванца *Z dziejów staroobrzędowców na ziemiach polskich XVII–XX w.* [1977] и существенных дополнений к ее сведениям в монографии З. Ярошевич-Переславцев *Starowiercy w Polsce i ich księgi* [1995], все статьи И. Грек-Пабисовой, посвященные истории формирования старообрядческого населения в Польше, перестали быть актуальными и представляют собой чисто библиографический интерес. Считаю поэтому излишним критически рассматривать приводимые в этих статьях схемы этапов переселений старообрядцев в Польшу [с. 63, 244], поскольку они носят умозрительный характер и практически не обоснованы конкретными данными.

И. Грек-Пабисова полагает, что ей “удалось определить языковую родину (польских — В.Ч.) старообрядцев путем детального сравнения отдельных особенностей говора с великорусскими говорами” [с. 319], ареал этой ро-

дины схематически очерчен ею на карте-схеме [с. 122] в статье *Gwara starowierców a północno-wschodnie gwary białoruskie (cechy fonetyczne)* [с. 117–124], см. рис. 3. Статья написана в 1976 г., через восемь лет после опубликования ее же монографии *Rosyjska gwara starowierców w województwach olsztyńskim i białostockim* (на которую в статье имеются ссылки), и через шесть лет после выхода в свет фундаментальной работы по русской диалектологии *Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров* [1970], в ко-

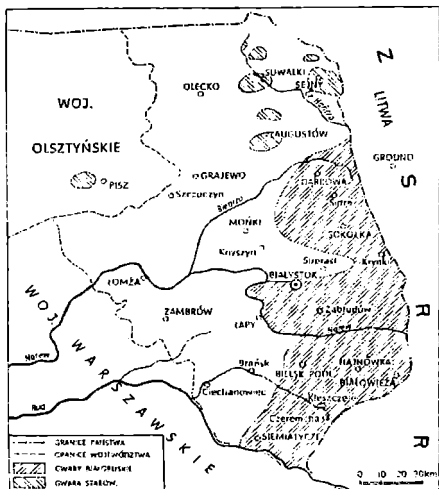

Рис. 3. Ареал прародины говора старообрядцев Польши (обозначен точечным пунктиром) согласно [Grek-Pabisowa 1999, 122].

торой обобщены материалы, собранные по программе ДАРЯ задолго до появления в свет первого тома этого атласа.

Сразу же обращает на себя внимание тот факт, что при определении языковой (пра)родины старообрядцев Польши И. Грек-Пабисова опирается только на работы по белорусской диалектологии (самая поздняя из них — *Нарысы на беларускай дыялекталогіі* [1964]), где языковая ситуация в южной части Псковской области никак не описана, и не использует никаких работ по русской диалектологии, в том числе и *Образования....* Иными словами, выводы И. Грек-Пабисовой об ареале этой прародины основаны на экстраполяции данных белорусской диалектологии на пограничные территории великорусских говоров.

Но может быть, этот смелый ход оказался верным и известные теперь данные подтверждают ее решение? Увы, буквально все утверждения, связанные с решением данной проблемы, при ближайшем рассмотрении не только не выдерживают критики, но оказывается просто никак не обоснованными.

Начнем с того, что сам факт определения языковой прародины старообрядцев Польши с точностью до одного Великолукского района сам по себе кажется удивительным. Ход же рассуждений И. Грек-Пабисовой можно реконструировать следующим образом. Прежде всего, для обследованных ею старообрядческих говоров характерно сильное аканье-яканье, и уже по одному этому признаку понятно, что они принадлежат к псковским говорам, с чем нельзя не согласиться.

Далее, оказывается, в фонетике старообрядческих говоров Польши ею отмечен ряд северо-восточных белорусских черт, именно: следы диссимилятивного аканья и яканья, *ныне уже не наблюдаемых* [с. 118], *непоследовательное* цеканье-дзеканье [с. 118–119]; *факультативное* [у] наряду с обычным [z] [с. 120], а также такое странное явление, как произношение [э] в первом предударном слоге после [ж ш ц] (факультативно — и после [р]) *независимо от качества ударного гласного*, типа *žnátŭj, žalézŭ, rŭnŭšnŭj* (в транскрипции автора, [с. 118]). Значит, предполагает И. Грек-Пабисова, перечисленные черты характерны и для пограничных с белорусскими псковских говоров, откуда следует, что языковая родина обследованных ею говоров находилась на этом пограничье и почему-то именно в районе Великих Лук.

Последнее из указанных выше фонетических явлений лучше вообще не использовать для решения этой проблемы, поскольку нечто похожее характерно для так называемой старшей нормы русского литературного произношения, см., например, [Панов 1979, 159–160], в белорусских говорах его никто не отмечал, в опубликованных материалах ДАРЯ оно также не фигурирует.

Что касается следов диссимилятивного аканья и яканья, то, прежде всего, материалы, приводимые И. Грек-Пабисовой и в рассматриваемой статье, и в монографии 1968 г., не кажутся достаточно подготовленными в социолингвистическом отношении для использования их в лингвогенетических гипотезах.

Так, осталось неизвестным, были ли записаны примеры диссимлятивного аканья и яканья от руки, или же они зафиксированы в магнитофонных записях? Это очень важно, поскольку даже искушенные в русской фонетике диалектологи нередко квалифицируют относительную краткость предупредного [a] перед последующим ударным [á] как факты проявления диссимлятивного аканья-яканья.

Далее, неизвестно также, наблюдались ли эти следы во всех обследованных деревнях, или нет, во всех обследованных семьях того или иного населенного пункта, или же нет? Зная не понаслышке об особенностях механизмов формирования старообрядческого населения в отдельных ареалах Литвы, с полной уверенностью утверждаю, что без ответа на этих вопросы *отдельные спорадические явления* не следует спешить использовать для выяснения истории формирования той или иной группы старообрядцев.

Кроме всего прочего, удивляет сам факт быстрого исчезновения следов диссимлятивного аканья-яканья — буквально на протяжении нескольких лет после их фиксации. Опять же из опыта известно, что такое случается при внутренней ассимиляции говора отдельных пришлых людей. Например, только из рассказа одного информатора известно, что некоторые старшие жители д. Большие Ибёнай (Каунасского района) *окали* еще в середине 50-х годов. Однако известно, что эта деревня по происхождению является слободой, созданной в 70-х годах прошлого столетия, и в ней, по преданию, отдельные лица были родом из Архангельской губернии. Очевидно, если бы диалектологи начали посещать эту деревню в годы начала исследований старообрядческих говоров Литвы, то они могли бы зафиксировать быстрое исчезновение спорадического оканья, характерного для речи отдельных лиц старшего возраста. Не зная истории деревни, можно было бы предположить, что языковой родиной по крайней мере части ее населения была, например, Новгородчина.

Что же касается собственно лингвистического аспекта этой проблемы, то, во-первых, судя по карте 1 ДАРЯ I, на юге псковской области — уже в зоне диссимлятивного аканья — отмечены отдельные случаи сильного аканья (что, однако, не вызывает особого доверия). В то же время к северу от границы диссимлятивного аканья — уже в районе Великих Лук — распространено сильное аканье даже “без единичных случаев” диссимлятивного аканья. Иными словами, на территории псковских говоров, которые покрывают большую части совр. Псковской (кроме Гдовского района на севере), южной окраины Новгородской и Тверской областей, ареалов со спорадическим, остаточным диссимлятивным аканьем или его следами, пока не зафиксировано, и потому нельзя рассматриваемую особенность старообрядческих говоров в Польше использовать для определения их языковой родины.

Не лучше обстоит дело и с данными И. Грек-Пабисовой об особенностях употребления [y] фрикативного в старообрядческих говорах Польши, которое, согласно ее наблюдениям “произносится не часто, в ряде слов оно является факультативным” [с. 120]. Опять же, такая констатация этого факта

также недостаточна для целей, с которой он используется. Говоры с единичными случаями при обычном [z] взрывном действительно известны на юге Псковской области, в том числе и в районе Великих Лук, см. [ДАРЯ I, карта 44], однако И. Грек-Пабисова не приводит никаких данных о реализации [y] в так называемой слабой позиции (в конце слов), без чего трудно понять фонетико-фонологическую значимость этого звука в обследованных ею говорах.

Вообще, фонетика старообрядческих говоров Польши в работах И. Грек-Пабисовой описана поверхностно, мы не найдем в них (в том числе и в монографии *Rosyjska gwara starowierów w województwach olsztyńskim i białostockim*) сведений о явлениях, которые должны быть в говоре с псковской диалектной основой. В результате оказывается, что опубликованные ею данные не дают ничего нового для русской исторической диалектологии — чего мы вправе ожидать, принимая, что эти говоры “исключительно долго сохраняют свой архаичный характер на разных уровнях языка” [*Próba określenia wspólnych cech rozwoju gwar rosyjskich w otoczeniu obcojęzycznym*, с. 73], и “современное состояние говора старообрядцев верно (wiernie) отражает состояние западного пояса средневеликорусских говоров в XVIII–XIX в.” [*Gwara starowierców a północno-wschodnie gwary białoruskie*, с. 121]. Более того, ее наблюдения сами оказываются в зависимости от данных русской диалектологии, являясь по сравнению с ними значительно более бедными и менее надежными.

В то же время для решения проблемы языковой (пра)родины И. Грек-Пабисовой не только не использовала некоторые важные для этого данные морфологии исследованных ею говоров, но и проигнорировала опубликованные ранее наблюдения об их значении. Так, в большой статье 1989 г. *Stopniowanie przymiotników w gwarze starowierców w Polsce (Na tle rosyjskiego i polskiego języka literackiego)* [с. 155–164] И. Грек-Пабисова упоминает о формах типа *l'agošell'agošče, kr'apoščyj* и под. [с. 160–161 и др.]. Между тем, еще в 1970 г. в упомянутой выше монографии *Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров* было показано, что суффикс *-оше* при образовании сравнительной степени используется только в юго-западной части Псковских говоров, см. также карту 59 [ДАРЯ II], а М.К. Сивицкене впервые обратила внимание на важность этого факта для решения вопроса об основе старообрядческих говоров Литвы [1988, 132].

Все сказанное выше дает основание рассматривать вывод И. Грек-Пабисовой о том, что “Этнической родиной большинства переселенцев (Польши — В.Ч.) был юго-запад Псковской земли — окрестности Великих Лук” [*Staroobrzędowcy-Rosjanie w kulturowym i językowym krajobrazie Polski*, с. 281] (выделено нами — В.Ч.), не как аргументированную гипотезу, а как догадку и своего рода прозрение. Более того, очень сильным упрощением являются ее утверждения типа “Предки старообрядцев прибывали собственно из ареала псковских говоров — преимущественно после недолгого пребывания на территории Великого княжества Литовского и польских Инфлянт (Латгалии — В.Ч.)” [*Związki gwary rosyjskich enklaw staroobrzędowców z językiem polskim*

dawniej i obecnie, с. 90]; из такого рода утверждений следует, что старообрядцы как снялись группой, подобно казакам-некрасовцам, так и кочевали, пока не очутились в Польше, хотя хорошо известно, что механизмы формирования старообрядческого населения на землях ВкЛ были иными.

Не будет преувеличением сказать, что основное внимание И. Грек-Пабисова уделяла и уделяет изучению лексики старообрядческих говоров. Самой большой ее работой в этой области является известный многим специалистам *Słownik gwary starowierców mieszkających w Polsce*, который она опубликовала совместно с И. Марыняковой в 1980 г. Интерес исследовательницы к лексике отражает и состав статей рецензируемого сборника, и тот факт, что различной проблематике, связанной с ее изучением, она посвятила около пятнадцати работ.

И. Грек-Пабисова особо подчеркивает, как уже указывалось выше, что она сама и ее коллеги всегда интересовались изменениями, которые происходят в говоре под влиянием польского языка и новых внеязыковых причин [с. 309]. В принципе, контакты островных говоров на уровне лексики — явление обычное, и его результаты в общем предсказуемы в том отношении, что островной говор, даже если носители его является относительно закрытым сообществом, как правило, насыщается иноязычными словами. Что же касается старообрядцев Польши, то научная ценность фиксации полонизмов в их говоре и изучение способов их адаптации представляются минимально значимыми, поскольку известно, что уже в XIX в. эти носители русского говора были русско-польскими билингвами [*Związki gwary rosyjskich enklaw staroobrzędowców w językiem polskim dawniej i obecnie*, с. 90–91].

В 1994 г. И. Грек-Пабисова отметила, что “В настоящее время в говоре находим 30% полонизмов по отношению ко всему словарю” [там же, с. 92]. И сразу же возникает несколько вопросов, например: в речи каждого носителя говора именно 30% полонизмов или у всех вместе взятых? Если последнее, то все ли носители говора в одинаковой степени владеют польским языком или нет? Ведь если в разной, то общие количественные подсчеты просто не имеют смысла; и есть ли различия в этом отношении у информаторов из собственно старообрядческих деревень и деревень смешанных и т.д.? Более того, имеет ли вообще смысл фиксация полонизмов в речи носителей русского говора, каждый из которых владеет польским языком — в таком случае человек заимствует лексемы не из польского языка вообще, а из своей собственной речи. И какой смысл имеют оценки количества полонизмов теперь, когда для большинства носителей русского говора в Польше польский язык стал основным?

К сожалению, располагая своего рода лабораторией для изучения механизмов адаптации полонизмов в русской речи, И. Грек-Пабисова, как кажется, основное внимание уделяла преимущественно простой их фиксации; после завершения процесса полонизации русских старообрядцев в Польше такого рода сведения просто перестают быть актуальными. В то же время буквально весь комплекс проблем, связанных с изучением социолингвистических меха-

низмов заимствования практически ее не интересовал. Не случайно, что в ее публикациях на данную тему “отсутствуют” реальные носители говора, т.е. мы не найдем в них сведений о языковой биографии информаторов, от которых были записаны те или иные материалы, и эта особенность ее подхода вполне наглядно отражена и в статьях рецензируемого сборника.

Если сама И. Грек-Пабисова начала изучение традиционной речи — хотя уже и в то время в основном двуязычных — старообрядцев Польши, то ее ученица А. Зелиньска отдельную монографию посвятила отражению особенностей исконной русской речи в их теперешнем польском языке [1996] (см. рец. на эту работу [Steinke 1999]). Иными словами, на глазах одного поколения ученых практически сформировалась разновидность польской речи на субстрате русского старообрядческого говора, остатки которого буквально тают на наших глазах, растворяясь в польской языковой стихии. По этой причине материалы русского говора старообрядцев Польши, собранные и опубликованные И. Грек-Пабисовой и ее коллегами за последние сорок лет, имеют непреходящую ценность; они уже стали практически единственным источником для изучения его истории, и горькие нотки в данной рецензии прозвучали потому, что эти материалы, как кажется, не были зафиксированы достаточно качественно и полно, и в то же время — были несколько поспешно проинтерпретированы при построении гипотезы о языковой прародине старообрядцев Польши.

ЛИТЕРАТУРА

- ДАРЯ I = Аванесов Р.И., Бромлей С.В. (ред.), *Диалектологический атлас русского языка. (Центр Европейской части СССР). Карты. В трех выпусках*, вып. I: *Фонетика*. Москва, 1986.
- ДАРЯ II = Аванесов Р.И., Бромлей С.В. (ред.), *Диалектологический атлас русского языка. (Центр Европейской части СССР). Карты. В трех выпусках*, вып. II: *Морфология*. Москва, 1989.
- Образование 1970 = Захарова К.Ф., Орлова В.Г., Сологуб А.И., Строганова Т.Ю., *Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров (по материалам лингвистической географии)*. Москва.
- Панов М.В., 1979: *Современный русский язык. Фонетика*. Москва.
- Свицикене М.К., 1988: Русские говоры Литвы в связи с их исходной локализацией, in *Псковские говоры в их прошлом и настоящем: Межвузовский сборник научных трудов*. Ленинград, 126–134.
- Grek-Pabisowa I., 1968: *Rosyjska gwara starowierców w województwach Olsztyńskim i Białostockim*. Wrocław–Warszawa–Kraków. (Komitet Słowianoznawstwa PAN. Monografie slawistyczne, 12.)
- Iwaniec E., 1977: *Z dziejów staroobrzędowców na ziemiach polskich XVII–XX w.* Warszawa.
- Jaroszewicz-Pieresławcew Z., 1995: *Starowiercy w Polsce i ich księgi*. Olsztyn.
- Steinke K., 1999: [Рец.:] Zielińska A., *Wielojęzyczność staroobrzędowców mieszkających w Polsce*. Warszawa, 1996, *Slavistica Vilnensis*, 1999, 234–236. (Kalbotyra 48(2).)

Валерий Чекомнас

Вильнюс

E-mail: cekm@post.omnitel.net